

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Коварная
приманка

Диск 1

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Коварная приманка

«Научная книга»

Серова М. С.

Коварная приманка / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

В один прекрасный весенний день частный детектив Татьяна Иванова вдруг понимает, что ей, умной, красивой и смелой женщине, не хватает в жизни настоящего мужчины. И тут, словно подслушав ее мысли, рядом оказывается седой элегантный господин. Татьяна очарована новым знакомым – ученым-ракетчиком Полежаевым. Однако тому не до амурных дел! Его бывшая жена убита, а дочь-девятиклассница похищена. Работающему в обстановке строгой секретности профессору поставлено условие: немедленно приехать в город, где произошла трагедия. Иначе дочери грозит смерть. Что ж, дело любви не помеха, и Татьяна охотно соглашается помочь Полежаеву...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Серова

Коварная приманка

*Образумь неразумных, Господи!
Задержи ракетный бросок...
Бог и дьявол играют в кости
на Россию. Мы – лишь залог.*
Андрей Вознесенский

Глава 1

Я женщина

Наконец-то в наш благословенный Тарасов пришла весна! Пять месяцев лежал снег, и, хотя зима в этом году была довольно мягкая, мне она порядочно надоела. Устаешь таскать на себе кучу одежды – свитер, шубу, шапку, тяжелые сапоги; все это сковывает движения, скрывает фигуру, выставляя для обозрения посторонних мужчин только лицо, покрасневшее от мороза. А что разглядишь на одном лице?

Короткими зимними днями порой вообще не успеваешь что-нибудь сделать. Просыпаясь по давней привычке поздно, пока войдешь в рабочее состояние – на улице уже опять смеркается. Ужас, да и только! Именно поэтому зимой я стараюсь браться только за самые неотложные заказы, исходящие или от очень богатых людей, способных заплатить по максимуму, или от близких знакомых, которым неудобно отказать.

Моя деликатная работа порой заставляет то карабкаться на четвертый этаж по водосточной трубе, то уходить от навязчивой слежки или наемных киллеров бегом по крыше или на предельной скорости – на моей трудяге-«девятке». А если труба обледенела, на крыше хоть на санках катайся, а дорогу скорее позволительно назвать катком, нежели трассой? То-то и оно! И без того рискованное занятие частного детектива превращается зимой в настоящий ад.

И тогда хочется лишь одного – тепла и уюта в доме. Нет, нет, не чая «Беседа». Беседовать мне, к сожалению, не с кем. Долгими зимними вечерами я люблю в своей уютной квартире, закутавшись в теплый махровый халат, смаковать огненный кофе вместе с книгами Данила Корецкого, что-нибудь вроде «Пешки в большой игре», «Секретных поручений» или новинки – «Татуированной кожи». Где-то после 8 Марта я начинаю просыпаться от зимней спячки, словно медведица в берлоге. Весна есть весна, и я жду ее прихода, как ждет любая женщина.

Давно уже я не наивная школьница в коричневом платице и белом фартуке, которая считает, что дети рождаются от поцелуев с соседом Шуркой. Но теперь чем ближе весна, тем сильнее хочется, чтобы в моей жизни обязательно появился настоящий и сильный мужчина; нет, нет, сильный не своими мускулами, я не нуждаюсь в защите кулаков, сама могу уложить вручную нескольких, а если не поможет знание карате, выну свой «макаров», и обидчики успокоятся – жить-то всем хочется.

Настоящий мужчина – это тот, кто спешит к тебе одной сломя голову с работы, кто понимает и ценит тебя, кто нянчится с тобой, как с ребенком, прощает тебе капризы и слабости, кто пускается в пляс при известии о твоей беременности, а не хмурит брови, бросая на стол пачку долларов на аборт...

Чем жарче пригревает солнышко, тем сильнее во мне эти желания. А тем более в этом году, когда апрель выдался таким жарким.

Этой весной я осталась без мужской ласки. Нет, нет, я ни о чем не жалею. С моими внешними данными и способностями найти партнера на ночь не составляет труда. Но мне вдруг

остро захотелось не партнера, не самца, как выражалась одна моя, ныне ушедшая в мир иной, знакомая, а принца на яхте с алыми парусами или на темно-вишневом «Мерседесе». Впрочем, пусть он не будет богат, в конце концов, не в деньгах счастье, я в состоянии прокормить семью и сама. Но пусть он только появится... Однако где он, мужчина моей мечты?

С такими тоскливыми мыслями я гуляла на следующий день после Пасхи в центре Тарасова. Люблю я свой город! Особенно в такие погожие весенние дни. Народ сбрасывает зимние шкуры, а сколько уже вокруг молодежи без шапок и беретов, с расстегнутыми от непривычной весенней жары лапами курток и пальто. Сколько женщин с радостью сбросили высокие зимние сапоги и перешли на маленькие сапожки, чтобы значительно увеличить обзор своих ножек. Это только наивные мужчины считают своей привилегией глазеть на нас, баб, когда, по мере поднятия столбика термометра все выше и выше, все выше и выше поднимаются юбки, обнажая истосковавшиеся по солнечному теплу и пристальным взглядам ножки. Мы, женщины, тоже не остаемся в долгу: используя тяжелую артиллерию своих очаровательных глаз, расправляемся с мужчинами и раним их в самое сердце.

Конечно, на мужиков смотрю и я. Но все они сегодня, как назло, попадают спаренные, в том смысле, что воркуют под ручку со своими по-весеннему разгоряченными подругами. А если и попадают одиночки, так это или совсем уж дряхлые старички, которым далеко за пятьдесят, или сопляки, старающиеся казаться старше своих шестнадцати.

Что-то мне от сегодняшней жары немного не по себе. Хорошо бы выпить холодной кока-колы и сжевать хоть апельсин! Только где это сделать? А пойду-ка я на Набережную, посижу там спокойно на скамейке, на других посмотрю, себя покажу.

Я была не так уж и далеко от Набережной, на Немецкой. Мне нравится гулять по ней, там всегда много народу, а я люблю толпу: люблю глазеть на встречаемых и фантазировать, придумывая им разные судьбы. Вот и сейчас, купив на лотке апельсины и колу, я спускалась к Волге, разглядывая шагавших мне навстречу горожан.

Пожалуй, надо вспомнить, есть ли в моем гардеробе кожаная юбка: вон как аккуратно смотрится кожанка на бедрах той яркой блондинки! Кажется, пора переходить и на светлые блузки или хотя бы светлые водолазки: студентки, стайками вынырнувшие из сельскохозяйственной академии, уже сделали это. Вот тот шатен в коричневой куртке явно недурен. Но спутница его простовата, я бы рядом с ним смотрелась лучше. Интересно, сколько ему, двадцать три – двадцать пять? Какая разница, пусть будет чуть младше...

Вот и свободная скамейка. Сяду. Буду пить колу и жевать апельсины. А что еще остается делать молодой незамужней женщине, которая никак не может найти себе достойного спутника жизни?!

Я очищала второй апельсин и допивала свою колу, когда рев авиационных реактивных двигателей заставил меня поднять глаза к небу. Господи, что это?! Со стороны Покровска на предельно низкой высоте прямо на нас, мирных тарасовцев, нежившихся под лучами долгожданного весеннего солнца, неслась тройка не то истребителей, не то штурмовиков – я не разбираюсь в авиационной технике. Над нашими головами самолеты сделали крутой вираж и свернули правее от меня, полетев вдоль Волги к юго-западной окраине города, где располагались нефтеперегонный завод и химический комбинат.

Вдруг рев повторился, и вслед первому со стороны Покровска показалось второе звено военных самолетов. Эта тройка хищно ринулась за первой, и через несколько секунд на наших глазах над Волгой завязался настоящий бой. Шестерка крутила различные фигуры, из фильмов про авиацию я научилась отличать только две из них – «мертвую петлю» и «таран», а вот остальные – «бочки», «коробочки» и массу других я не рискую назвать правильно. Почему-то не слышно было только треска пулеметов и залпа ракет, или чем там бывают вооружены эти самолеты.

Стало жутко. Я вдруг вспомнила, что в трех тысячах километров от моего родного Тарасова на головы бедных югославам падают натовские бомбы и ракеты, вот уже вторую неделю там полыхает настоящая война, которую стратеги из Пентагона и Брюсселя называют предупреждением гуманитарной катастрофы.

За мои всего лишь несколько лет частнорозыскной работы мне приходилось убивать. Преступников. Я старалась нажимать на спусковой крючок своего «макарова» или любого другого огнестрельного оружия, что попадалось мне под руку, только в крайнем случае, чтобы спасти свою или чью-то чужую жизнь. До сих пор мне это удавалось. Но если прилетят вот эти, быстрые и юркие, со своими «томагавками» и «И-бомбами», – что, против них с «калашниковым» или даже с «мухой»?

Я помнила, как в раннем детстве родители говорили о каком-то пилоте из ФРГ, кажется, Матиасе Русте, который среди бела дня приземлился на легкой одномоторной «Сесне» прямо на Красной площади в Москве. И ведь не сбили! Ладно, если турист или простой шпион. А если с бомбой?

Мне стало жутко. Я закрыла глаза, представляя, как удары точнейших натовских бомб разносят в клочья гостиницу «Словакия», «томагавк» врежется в мост через Волгу, уничтожив несколько пролетов, а наглый «стелс» пускает ракету в Управление железной дороги, которое, взрываясь, задевает каменными глыбами стоящие неподалеку церковь и гимназию...

В эти мгновения неподдельный животный, вероятно, генетический страх, доставшийся от предков, которые пережили две мировых войны, парализовал все мое тело. Конечности одеревенели, в горле опять пересохло, словно за минуту до этого я не осушила бутылку ледяной колы. Мне стало действительно страшно, страшно от того, что я одна на всем белом свете и в минуту опасности никто не защитит меня от осколков бомб и снарядов и даже не успокоит, не погладит по голове, не прижмет к себе крепко и не скажет уверенно: «Все будет хорошо, вот увидишь. Мы победим!»

Не открывая глаз, я дала себе слово: «Все, к черту! К черту мою дурацкую опасную работенку! Не могу больше! Я – женщина, мне хочется любить и быть любимой. Беременеть и рожать хочу, замуж хочу, черт возьми, за первого встречного, я с него пылинки сдувать буду, ласкать, как никого не ласкала, лишь бы он был рядом со мной и нашими детьми...»

Глава 2

Он талантлив, скромн, в меру честолюбив, приятный компаньон, сдержан и доброжелателен

– Татьяна Александровна, вам плохо? – Чья-то рука коснулась моего плеча.

Я открыла глаза. Передо мной стоял совершенно незнакомый мужчина, возраст которого явно перевалил за сорок, в расстегнутой от жары черной кожанке, под которой виднелся строгий серый костюм. Со вкусом подобранный в тон костюма и к светло-голубой рубашке галстук завязан крепким узлом. Вероятно, в недалеком прошлом незнакомец был шатеном, но сейчас слегка волнистые волосы почти сплошь поседел. Лишь брови по-прежнему молодо темнели на его озабоченном лице. Еще Лермонтов в «Герое нашего времени» заметил, что такие брови при седых волосах – признак хорошей породы.

– Что с вами, Татьяна Александровна? – еще раз участливо спросил незнакомец, по своему истолковав явно затянувшуюся паузу.

Я махнула рукой в сторону железнодорожного моста, над которым продолжала кружиться шестерка самолетов:

– Испугалась. Югославию вспомнила. Наши военные совсем ошалели, маневры уже над городом проводят. Они что, отрабатывают приемы защиты стратегических объектов от авиации НАТО?

Мой неожиданный собеседник расхохотался:

– Сразу видно, вчера Татьяна Александровна встречала Пасху и не смотрела «Губернские новости», поэтому не знает, что по приглашению губернатора на празднование очередного Дня авиации и космонавтики из Москвы прилетела знаменитая эскадрилья «Витязей»: летчики-спортсмены на наших глазах только что разыграли показательный воздушный бой. Так что пугаться не стоит, милая Татьяна Александровна!

– Вы меня заинтриговали. Знаете меня в лицо, по имени-отчеству, стало быть, и по фамилии, я же, клянусь, вижу вас первый раз в жизни. Разве не так? Или с памятью у меня что-то стало?

– С памятью у мадемуазель Ивановой, к счастью, все в порядке. Мы действительно видимся впервые – очно.

– А заочно? – полюбопытствовала я.

– Заочно я познакомился с вами у Игоря Сергеевича Снегирева, помните вашего давнего поклонника?

– Как не помнить о чудесных месяцах в Испании!

– Он рассказывал об этом путешествии, крутил кассету с пленкой, я не мог не обратить на вас внимание. Разрешите представиться, Полежаев Иннокентий Михайлович, доктор технических наук, профессор.

– В таком случае что же вы стоите, Иннокентий Михайлович, садитесь!

Полежаев послушно опустился на скамью слева от меня. Вероятно, он был из тех мужчин, кто встает при появлении дамы и не решается сесть без ее разрешения. Его фигура выглядела отнюдь не богатырски, и я подозревала, что под пиджаком при случае не обнаружу гору накачанных мускулов. Поразили его руки. Пальцы были очень длинные и тонкие. Один из моих знакомых криминалистов утверждал, что подобные пальчики могут принадлежать пианистам, фокусникам или карманникам – во всех этих случаях требуется виртуозность рук. Ногти явно не холились в косметическом салоне, но были аккуратно и коротко подстрижены. Лицо профессора не портил большой с горбинкой нос, крупные губы выражали уверенность, а взгляд – пристальное внимание.

– Так вот, Татьяна Александровна, не стоит пугаться и расстраиваться по пустякам. Мой московский знакомый Николай Нарницын, врач-психотерапевт, утверждает, что эмоциональное состояние человека на протяжении года нестабильно. На настроение влияют и погода, и весенний авитаминоз. Да и недавний переход на летнее время добавил все же небольшую долю в этот дисбаланс. Вот и получается, что человек в период межсезонья находится в состоянии затяжного стресса до тех пор, пока не установится ровная погода.

– Выходит, и у вас стресс? – Я с интересом посмотрела на профессора.

– И у меня. Я ведь тоже «гомо сапиенс», – утвердительно кивнул он.

– И как же несчастным сапиенсам выходить из этого стресса? – поинтересовалась я.

– А мы с вами уже начали эту процедуру, – ничуть не смутился Полежаев.

– То есть? – удивилась я.

– Для выхода из весеннего стресса наука рекомендует два пути. Весной солнце светит ярче. Под воздействием же солнечной радиации в организме человека вырабатывается серотонин, который еще иначе называют «гормоном счастья». Строго говоря, это не гормон, а медиатор, облегчающий нервной системе передачу импульсов. Поэтому на солнышке появляются ощущения необыкновенной легкости и радости. У людей подсознательно возникает желание гулять на солнышке как можно чаще и дольше, подставляя его лучам свое тело. Так что дамы надевают мини вовсе не для того, чтобы привлекать нас своими ножками, – им просто нужен серотонин, – доходчиво объяснил ученый.

– Занятно. А второй путь? – допытывалась я.

– Весной все эмоции проявляются необыкновенно ярко. У одних эйфория, у других плаксивость и раздражительность. В состоянии стресса человек легче идет на контакт. Проявляется подспудное желание свалить хоть часть стресса на чужие плечи. Вот и получается, что стремление к общению приводит к тому, что весна становится действительно периодом «спаривания» людей, но не в грубом смысле совокупления, а в смысле желания ходить парами, иметь рядом близкого друга, которому можно просто излить душу. – Ученый, похоже, дорвался до благодарной слушательницы.

– Понятна ваша мысль, профессор. Мы, как вы изволили выразиться, «спариваемся» с вами на солнышке, сочетая приятное с полезным, ведь так?

От этого человека веяло спокойствием и уверенностью, которые незримо передавались собеседнику. Мне же в моем нынешнем состоянии как раз и не хватало спокойствия и уверенности. И, кажется, дух мой действительно заметно пошел на поправку.

– Итак, Игорь Снегирев показал вам кассету о нашем амурном путешествии в Испанию – будем называть вещи своими именами. Теперь Игорь Сергеевич не является моим бойфрендом, и вы это наверняка знаете. Что ж, скорее всего я вам потребовалась как женщина?

– Татьяна Александровна, разве я дал вам хоть малейший повод усомниться в своей порядочности? – Профессор был явно смущен моими словами.

– Иннокентий Михайлович, а разве желать женщину – это непорядочно? – парировала я.

– Сдаюсь перед вашей железной логикой, – Полежаев картинно поднял вверх обе руки, – но в данный момент ваше женское обаяние отступило для меня на второй план. Больше всего, представьте, меня интересуют сейчас ваши профессиональные качества частного детектива.

Вероятно, в выражении моего лица что-то произвольно изменилось, или профессор действительно был тонким психологом.

– Вы разочарованы? Не расстраивайтесь, Татьяна Александровна, просто никогда в жизни мне не приходилось изменять. Хорошо это или плохо, но это так. – Он картинно развел руками.

«Просто тебе не встретишься на пути настоящая женщина, с которой можно было забыть обо всем на свете», – подумала я, а вслух, словно стряхнув весеннее наваждение, спросила:

– Так что же вас привело ко мне, уважаемый профессор? – Я решила перевести разговор на сугубо служебные темы.

– Вот вы и обиделись, – очень верно определил мое теперешнее состояние Полежаев, – а между тем причина моего прихода к вам весьма серьезная: четыре дня назад погибла моя жена и исчезла дочь.

Мои брови сами собой поползли вверх.

– Простите, Иннокентий Михайлович, у вас горе, а я тут со своими глупостями... Еще раз извините!

– Нет, нет, просто я несколько неточно выразился: погибла моя бывшая жена, Ирина, и я воспринял бы это печальное известие довольно спокойно, если бы не одновременное исчезновение моей дочери-девятиклассницы.

– Вы сказали «погибла», а не «умерла». От чего?

– Вот это обстоятельство и привело меня к вам. Я вернулся из командировки, вернулся только вчера вечером. А три дня назад домой позвонил неизвестный и сообщил о гибели бывшей жены и пропаже дочери. Мне поставили условие: если я хочу, чтобы дочь осталась живой, то до конца недели должен приехать в Зареченск, это в пятистах километрах от нас вверх по Волге.

Пока домашние связывались со мной, пока я возвратился, три дня уже прошло. Осталось только четыре... – Профессор замолчал.

– Вы сказали – бывшая жена. Давно вы расстались? – уточнила я.

– Мы разошлись с Ириной тринадцать лет назад, эту женщину я вычеркнул из своей жизни раз и навсегда. Если бы не Оксана, дочка, я бы вообще забыл о ее существовании, клянусь вам! – Полежаев отчего-то даже сжал кулаки.

– Она вам когда-то причинила боль? Извините, если я вторгаюсь во что-то очень интимное, но, сами понимаете, врачу и сыщику надо рассказывать все.

– Вы правы. Она предала меня. И лишила дочери...

Профессор замолчал, в волнении потирая пальцами правый висок. «Бывают же дуры бабы! – подумала я, глядя на ученого. – Предать такого мужика! Впрочем, – поймала я себя на мысли, – каким он был полтора десятка лет назад, знают только двое: он и Ирина. Теперь вообще лишь он один. Может, горький опыт изменил характер Полежаева к лучшему?»

– Кто разговаривал с неизвестным? – спросила я.

– Наташа, Наталья Сергеевна, – третья жена и, надеюсь, последняя.

Я с нескрываемым интересом посмотрела на профессора: во дает мужик! Недаром пословица утверждает, что в тихом омуте черти водятся.

– Когда мы с Натальей анализировали тот разговор, она обратила внимание на одну неувязочку.

– Какую? – встрепелась я.

– Мы не общались с Ириной лет десять. К такому обоюдному решению пришли после того, как оба устроили свою личную жизнь: она почти сразу же после нашего развода вышла замуж за Игоря Кудрина, а я год спустя женился на Наталье. У нас сыну уже десять лет, он в третьем классе. Условились с Ириной не тревожить Оксану проблемой двух отцов. Алименты я пересылал на счет Ирины в сбербанк. Так вот, ни Ирина, ни Оксана, никто из бывших родственников не знал мой домашний номер телефона.

– Профессор, это не проблема – узнать номер телефона. Адрес-то ваш у бывшей жены был?

– Лет пять назад мы переехали на новую квартиру, и адрес этот был ей тоже неизвестен. Хотя, впрочем, в почтовых переводах в сбербанк есть графа обратного адреса...

– Вот видите! А по адресу легко установить и домашний телефон, позвонив в городскую справочную.

– Попробуйте, Татьяна Александровна. Телефонистка вежливо ответит, что у Полежаева Иннокентия Михайловича по указанному адресу телефона нет.

– Закрытый список?

– Именно.

Я с еще большим интересом посмотрела на профессора. Закрытый список в адресных бюро и городских телефонных станциях существует для узкого круга лиц. В нем чаще всего политики, известные артисты, крупные бизнесмены, ученые, занимающиеся секретными разработками. Полежаев принадлежал скорее к числу последних.

– Погибшая жена – это может быть и заурядная автокатастрофа, – рассуждала я вслух. – Или удар кирпичом по голове. Помните, у нас зимой на голову какого-то служащего одного из областных министерств свалился кусок штукатурки с кирпичами и бедняга умер на месте? Об этом писали местные газеты, «Тарасовские ведомости» в частности.

– Вот и я хочу знать точно – почему одновременно с гибелью бывшей жены исчезает моя дочь. Где она? Поэтому я и пришел к вам.

– Сегодня двенадцатое апреля. Вы говорите, осталось четыре дня. А почему до сих пор не обратились в официальные правоохранительные органы, милицию или ФСБ? Мне это не совсем понятно! – Я действительно не находила объяснений по этому поводу: ученый, занимающийся секретными разработками, скорее всего постоянно находится «под колпаком» спецслужб. Они-то уж наверняка знают о похищении дочери Полежаева, пусть от предыдущего брака, и не позволят ученому действовать самостоятельно.

Профессор озадаченно уставился на меня:

– Татьяна Александровна, у вас есть дети?

Я покачала головой.

– Тогда вам трудно меня понять. Я ее младенцем на руках носил, кормил из бутылочки, она у нас с двух недель искусственница, когда болела, уколы сам делал... Оксана, когда плакала, кричала в детстве «папа!», а не «мама!». Понимаете, меня трясет от одной мысли, что с дочерью может случиться беда. Звонивший так запугал Наталью в том смысле, что, если муж обратится к ментам или гэбэшникам, голову дочери ему доставят в коробке из-под торта... А вы советуете в ФСБ! Нет, здесь придется играть по правилам похитителей, никаких официальных органов. А к частному детективу, тем более к женщине, обращаться не запрещено. К тому же вы легко сойдете за мою сестру, племянницу. В конце концов, даже если они поймут, кто вы, это вполне естественно: должен же кто-то мне помочь?! – Кажется, доводы профессора, объясняющие причины его появления рядом со мной, были исчерпаны.

– Вы знаете мои условия, Иннокентий Михайлович? – поинтересовалась я, втайне надеясь, что у рядового служащего науки не найдется средств оплатить мой гонорар и это послужит формальным поводом для отказа – мне почему-то очень не хотелось лезть в частную жизнь профессора. Но мой вопрос не застал его врасплох.

– Безусловно, Татьяна Александровна. Двести баксов ежедневно плюс накладные расходы. Аванс за пять дней. Решение принимается до сегодняшнего вечера. Первая тысяча у меня в кармане. – Полежаев хлопнул себя по левому верхнему карману пиджака.

– Позвольте полюбопытствовать, откуда у скромного российского доктора наук штука баксов в пиджаке? Ведь по нынешнему курсу даже с учетом апрельского повышения федеральным бюджетникам это почти двухгодичная ваша зарплата?

– Вы в налоговой полиции, часом, не подрабатываете, Татьяна Александровна? Ну, допустим, Нобелевская премия. За укрепление мира между народами, – попытался отшутиться профессор.

А я, дура такая, чисто инстинктивно, уже не контролируя себя, провела левой рукой по его седым волосам:

– Снимите парик, Михаил Сергеевич! Не скрывайте ваше родимое пятно... У меня была пятерка по истории и в школе, и на юрфаке. Так что постарайтесь до вечера придумать более правдоподобную версию о ваших источниках дохода.

Полежаев улыбнулся и молча кивнул в знак согласия.

Нет, положительно он мне нравится! Впервые встречаю клиента, понимающего тебя с полуслова.

– Коль вы все знаете, давайте мне ваш телефон и ждите вечером моего звонка.

Мы обменялись визитками.

– Вас проводить, Татьяна Александровна? – весьма галантно завершил Полежаев наш разговор.

А я, баба-язва, не преминула тут же его поддеть:

– К чему? Те, кто помог вам найти меня сегодня в центре города, наверняка засиделись в кустах.

Профессор покраснел, и я поняла, что попала в самую точку.

– Я действительно попросил одного своего бывшего аспиранта, Юрия, он работает в ФСБ, найти вас. Дело-то не терпит отлагательств, – объяснялся Полежаев. – Они же и проводят вас до дома. Просто вы мне очень нужны, и я не хочу, чтобы с вами произошла по дороге домой какая-то неприятность. Ведь на вашем прекрасном лице не написано, что вы каратистка, а «макаров» в сумочке и вовсе не виден.

– Если вечером вы получите от меня отказ, вас уже не будет интересовать моя безопасность? – Я пошла в наступление.

Полежаев замешкался лишь на секунду.

– Мне бы очень не хотелось получить его. Честь имею!

Он поднялся и, быстрыми шагами уходя от меня, вскоре скрылся в толпе. Я подождала несколько минут, пытаюсь вычислить «наружку». Но то ли ребята попались квалифицированные, то ли Полежаев снял наблюдение, во всяком случае, не обнаружив их, я решила и в самом деле отправиться домой, чтобы в спокойной обстановке проанализировать нашу встречу и определиться со своими дальнейшими действиями.

Дома, переодевшись и приняв душ, я сварила крепкий кофе, устроилась поудобнее в кресле у журнального столика и, взяв ручку с бумагой, стала рассуждать о том, что меня волновало.

Итак, будь я психоаналитиком (а разве детектив не психоаналитик?), какую бы характеристику Полежаеву я сделала? Пожалуй, вот так (я стала набрасывать строчку за строчкой): «Имеет разнообразные интеллектуальные интересы, стремится быть информированным по любому вопросу, отличается критичностью мышления, терпимостью к противоречиям и неясностям. Достаточно добросовестен, ответствен, обязателен в работе, организован в делах. Хорошо осознает социальные нормы поведения и старается их аккуратно выполнять. Заботится о впечатлении, которое производит своим поведением, о своей репутации. Обладает конкретно-практическим типом мышления. Эмоционально достаточно стабилен, уравновешен. Живо откликается на происходящие события. Характерно разнообразие эмоциональных реакций, которые умеет контролировать. Ведет себя рационально, способен не поддаваться эмоциональным порывам, даже под влиянием аффекта не теряет способности логично рассуждать. Держится корректно, вежливо, ко всему подходит разумно и несентиментально. Прежде чем предпринять что-либо, оценивает возможные шансы, умело строит свое поведение. Смел и решителен в поступках, способен выдерживать длительные эмоциональные нагрузки при работе с людьми. В общении мягок, аристократично-вежлив, следит за своей речью и манерами, гибок и дипломатичен. Выражено стремление к самостоятельности, независимости, активному отстаиванию своей позиции, точки зрения».

Я еще раз внимательно перечитала написанное. Да, все правильно. С такой характеристикой или в разведку, или в президенты. Можно и в чьи-то мужья. Впрочем, Полежаев уже трижды был чьим-то мужем. Нет, положительно без гадания на костях в этом деле не обойтись.

Я достала заветный мешочек, сформулировала вопрос: «Что меня ждет впереди?»

26+7+14.

Ого! «Ожидаются переживания, связанные с вашим согласием участвовать в деле, от которого вы не ждете ничего хорошего». Да, дело, надо признаться, не простое.

Значит, соглашаться? Но я чувствую, как с каждой минутой нашего общения во мне растет желание быть с ним рядом, видеть его, слышать его голос, спокойный и уравновешенный, почувствовать, что я нужна ему. Пусть пока только как профессионал. А почему только как профессионал? В Тарасове можно найти пару-тройку и мужиков частных сыщиков, это достаточно просто. Но профессор выбрал именно меня.

Значит, есть надежда на нечто большее, чем профессиональные интересы? Или я заблуждаюсь?

Господи, неужели я просто влюбилась?! Интересно, сколько ему лет? Ведь он практически в отцы мне годится. Что ж я тогда делаю, дура несчастная? Нет, отказываться, отказываться и еще раз отказываться! Под любым предлогом. В Чикаго заболел дядя, надо срочно лететь к нему. Мне подкинули маленького ребенка, и теперь я занимаюсь его усыновлением. Что бы там еще такое придумать? А если откровенно, не врать? Профессор, я влюбилась в вас с первого взгляда и не могу подавить в себе это чувство. Поэтому извините, но... Да где же его визитка? Вот наконец и она.

Я набираю заветный номер телефона. Два гудка, и женский голос произносит с тревогой:
– Аллю...

Почему с тревогой? Как зовут жену? Вспомнила!

– Наталья Сергеевна?

– Да, я вас слушаю... – Голос дрожит. Отчего? Интересно, она знает, что муж обратился ко мне?

– Это Иванова Татьяна Александровна. Иннокентий Михайлович дома? – спрашиваю я как можно спокойнее.

– Это вы? Слава богу... Сейчас позову. – И я услышала, как жена обратилась к Полежаеву: – Инна, тебя Иванова!

В другой ситуации я бы расхохоталась, но сейчас мне почему-то стало не по себе. Я почти на сто процентов была уверена, что у Полежаевых что-то случилось после нашей дневной встречи с ним. Так оно и есть. Он не дал мне даже заговорить:

– Татьяна Александровна? Я очень вас прошу, понимаете, очень (растягивая по слогам последнее слово) прошу незамедлительно приехать к нам.

Колебалась я только секунду.

– Через полчаса буду.

Глава 3

Рядом неизбежное горе, и оно не заставит себя долго ждать

«Сталинская» четырехэтажка, где жил Полежаев, располагалась на Советской, в самом центре города. За двором явно наблюдали: пока я припарковывала свою «девятку», дверь подъезда, запертого на кодовый замок, распахнулась и на пороге появился доктор Полежаев собственной персоной. Вместе с ним я поднялась на второй этаж.

В коридоре меня встретили Наталья Сергеевна и их сын Вадим. Познакомились. Все прошли в гостиную. Чинно расселись, я и профессор в креслах, его жена и сын – на диване.

– Вы успели поужинать, Татьяна Александровна? – поинтересовалась Наталья Сергеевна.

– Да, благодарю вас, я не голодна, – ответила я и, пользуясь случаем, внимательно оглядела третью профессорскую жену. Нельзя было назвать ее красавицей, но какой-то шарм в ней, безусловно, присутствовал. Хорошо сложенная, с незамысловатой прической, круглым, истинно русским лицом, которое не портили, а, напротив, украшали очки, она смотрелась под стать своему супругу.

– Тогда чай или кофе?

– Чай, если можно, – определилась я.

Наталья Сергеевна с Вадимом удалились на кухню и вскоре вернулись с чайными приборами. Но чай был поставлен скорее всего лишь для соблюдения этикета: к нему никто так и не притронулся.

– Шантаж продолжается, Татьяна Александровна, – начал профессор. – Только что опять звонили.

Чего угодно, но этого я почему-то не ожидала: у меня не появилось даже вопросов. Рассказывали Полежаевы.

– Первый звонок раздался днем, дома были Наталья Сергеевна и Вадим. Трубку взял сын. – Иннокентий Михайлович от волнения массировал костяшки своих пальцев.

– Звонил какой-то мужчина. Попросил папу. Я ответил, что папа на работе. Тогда он предупредил, чтобы вечером папа ждал его звонка, – рассказал мальчик.

– В 18.15, сразу же после окончания вечерних «Новостей» на ОРТ, раздался второй звонок. Трубку взял уже я сам. Мужской голос убедился, что я – это я, а потом повелительно произнес примерно следующее: «Слушай, профессор, твоя дочка у нас. Три дня уже прошло. Не соберешься к нам за оставшееся время – пеняй на себя. Голову Оксанки в коробке из-под торта положим к твоей двери, как уже обещали в первый раз». Я возмутился: мол, только из командировки вернулся, что вы хотите конкретно, сколько денег? Тогда бандит буркнул: «Хрен с тобой, тебе осталось четыре дня. Не приедешь семнадцатого вечером, восемнадцатого мы ее кокнем». И снова напомнил уже лично мне: «Не вздумай обращаться к ментам или гэбистам. Живой девчонку тогда не увидишь, не сомневайся». Я спросил, как их найти в Зареченске. «Мы сами тебя найдем» – таков был ответ. – Полежаев вздохнул.

Я смотрела на его дрожащие руки, непроизвольно сомкнутые в замок, и вспоминала свою характеристику: «Эмоционально достаточно стабилен, уравновешен». Вот вам и уравновешен! Впрочем, подобная ситуация выведет из равновесия кого угодно.

– Давайте проанализируем сложившееся положение и возможные версии выхода из него, – предложила я.

Все согласились.

– Звонки сегодня и в прошлый раз были междугородные или обычные городские? – задала я первый вопрос.

– Что нас не соединяла телефонистка, это точно. А идущий по автомату междугородный звонок трудно отличить от городского, – вслух рассуждал Полежаев.

– Трудно, но вполне можно. Пошли дальше. Голос не показался вам знакомым? Какие-то характерные особенности, тембр, грассирование, оканье, аканье? Не заметили? – продолжала я свою обычную мозговую атаку.

– Вроде нет. Обыкновенный голос мужчины, похоже, средних лет, – пожала плечами Наталья Сергеевна.

– У вас есть враги?

– Как у всякого нормального человека, конечно! Но чтоб до такой степени... Нет, в нашей среде, знаете ли, могут подложить пакость, прокатить на выборах в академию, к примеру, но чтоб детей красть... Нет, до этого мои научные противники никогда не дойдут.

– Ваше финансовое положение позволяет заплатить выкуп за дочь, если его потребуют бандиты? Ведь это не пять-шесть тысяч за мои услуги? – допытывалась я.

– Один я, конечно, крупную сумму не наберу. Придется обращаться к друзьям и знакомым. Или идти в ФСБ и просить защиты там. Третьего пути нет... – Настроение профессора явно оставляло желать лучшего.

– Третий путь всегда есть, профессор. У нас с вами в запасе четверо суток, девяносто шесть часов. Надо успеть, Иннокентий Михайлович! – Я попыталась вселить в него хоть какую-то надежду.

– Что успеть? – не понял Полежаев.

– Разгадать две тайны. Тайну гибели Ирины Анатольевны и тайну похищения вашей дочери. Мне кажется, что они явно взаимосвязаны.

Профессор и его жена удивленно посмотрели на меня. Это известие почему-то вдруг успокоило Полежаева, его руки перестали дрожать.

– На чем основывается ваша гипотеза, Татьяна Александровна? – спросил Иннокентий Михайлович.

– На фактах, доктор, на фактах. Судите сами. В Зареченске внезапно гибнет, пока еще не знаем при каких обстоятельствах, Ирина Анатольевна. Ее смерть не поражает вас, вы же мне сами днем говорили, что без дочки Оксаны о существовании этой женщины вы наверняка бы забыли, так?

Профессор молча утвердительно кивнул.

– Тогда, очевидно, предполагая вашу подобную реакцию, кто-то еще и похищает вашу дочь. Вам сообщают об этом. Но вот что странно: с вас пока не требуют ни копейки, – продолжала я вслух развивать свою версию. – Ведь ради приличия даже нужно было запросить хоть какую-нибудь сумму.

– Похитители, вероятно, знают, что я ученый, а следовательно, бедняк по нынешним меркам, – высказал предположение Полежаев.

– Так какой им был тогда смысл похищать дочь, если родной отец неплатежеспособен? – допытывалась я.

– Не знаю, – в недоумении развел руками профессор.

– Вот именно. Если человек, мягко выражаясь, не богат, он просто вынужден будет обратиться в правоохранительные органы. Преступники это понимают и категорически запрещают вам это делать под угрозой убийства дочери. Следовательно, у них есть возможность контролировать действия милиции и ФСБ здесь, в Тарасове, или там, в Зареченске? – предположила я.

– Да, логически рассуждая, это действительно так, – согласился Иннокентий Михайлович.

– Обратись вы туда, их информатор ставит хозяев в известность о вашем шаге, и жизнь девочки висит на волоске, – сделала я следующий вывод. – Выходит, вам просто не оставляют никаких альтернативных вариантов, кроме как самому пожаловать к ним в руки. И вот что

еще интересно, Иннокентий Михайлович: как вы собираетесь искать похитителей, прибыв в Зареченск?

– Честно говоря, пока не знаю. Мне известен лишь зареченский адрес Оксаны, и больше ничего. – Профессор был явно растерян.

– Скорее всего квартира вашей бывшей жены, оставшаяся дочери, под наблюдением и ваш визит туда будет явно под контролем. – Я внимательно посмотрела на ученого. – Сдается мне, Иннокентий Михайлович, что всю эту комбинацию затеял хорошо знающий вас человек. У вашей бывшей жены есть родственники в Зареченске?

– Там должна жить ее старшая сестра Галина. Она меня, безусловно, знает. Со вторым мужем Ирины, Игорем Кудриным, так его, кажется, зовут, я практически не был знаком. Да, я забыл про зятя, мужа Галины, Андрея Ветрова. Вот, пожалуй, и все люди в Зареченске, которые знают меня.

– Три человека – это уже кое-что! – хмыкнула я удовлетворенно. – Ладно, на месте разберемся.

– Иннокентий, я не сыщик, но говорила тебе, что в Зареченск надо ехать непременно! – подала голос Наталья Сергеевна.

Я впервые с благодарностью за женскую солидарность посмотрела на нее. Везет же бабам, такого мужика отхватить!

– Надо мчаться в Зареченск, узнавать на месте все обстоятельства гибели Ирины и похищения Оксаны. Времени остается все меньше и меньше. – Я автоматически взглянула на часы.

По телу Натальи Сергеевны прошла невольная дрожь. Она будто вся съежилась. Неподдельный страх проступил на ее лице, и мне стало жаль эту, несомненно, любящую профессора женщину.

– Наталья Сергеевна, не надо паниковать раньше времени. Мне кажется, никто не собирается убивать Оксану или вашего супруга, по крайней мере, сразу. Боюсь, тут другое: профессор нужен им по его прямой специальности.

Все сидящие в гостиной одновременно посмотрели на Полежаева. Мне же стало интересно: чем он там занимается в своем техническом университете?

После довольно длительного молчания жена Полежаева спросила:

– Татьяна Александровна, Таня – можно вас так называть?

– Конечно! – Я кивнула.

– Помогите нам. Есть еще выход из этой ситуации? Ну, такой, чтобы Иннокентию не ехать? – На его жене был домашний халатик, и я вдруг увидела, как ее руки покрылись гусиной кожей, что свидетельствовало о крайней степени волнения женщины. – Понимаете, Таня, с одной стороны, надо сохранить жизнь Оксаны, а с другой – я очень боюсь за мужа. Нельзя же допустить, чтобы дети остались без отца, верно? – Она вопросительно посмотрела на меня.

– Верно, Наталья Сергеевна, верно! Но вы уже слышали, почему мы не можем обратиться в милицию или ФСБ. Я не уверена, что похитившие Оксану изверги блефуют. Если бы не смерть Ирины, можно было бы посчитать это обыкновенным шантажом. А теперь... – я помолчала, – не брать Иннокентия Михайловича с собой в Зареченск... В принципе это возможно, я и сама постараюсь найти путь к бандитам, но на карту поставлена жизнь Оксаны. Возможно, в ходе предстоящей операции и в самом деле понадобится выход на сцену отца ребенка. – Я пожалала плечами. – Решайте, в конце концов, дело ваше.

– Рисковать жизнью Оксаны мы не станем. Я хочу, чтобы у нас была дочь. – Именно эту фразу, как ни странно, произнесла после небольшой паузы Наталья Сергеевна.

Профессор посмотрел на жену таким выразительным взглядом, что я поняла: вспыхнувшее было во мне чувство к Полежаеву надо выжигать каленым железом. Мне не под силу разбить их семью.

– Давайте сообща обговорим детали предстоящей поездки. Карта России у вас есть?

С дивана поднялся Вадим и через минуту вернулся в гостиную с подробной российской картой. Столик был занят чашками с чаем, пришлось положить ее прямо на палас. Все склонились над картой.

– До Зареченска около пятисот километров на северо-восток. Если мы выезжаем завтра на рассвете, к полудню будем там. Вторник – тринадцатое. На все расследование нам полтора дня и еще три дня. Док, вы водите машину?

– Конечно! – Профессор был немногословен.

– Это уже лучше. Поведем по очереди, – рассуждала я вслух. – Безусловно, я привыкла к своей «девятке», но лучше воспользуемся другой, по номерам преступники легко определяют хозяина, и комбинация со мной может быть засвечена с ходу. У вас какая машина?

– Темно-вишневая «восьмерка», – ответил Полежаев.

– «Восьмерка», «восьмерочка»... – Я пыталась решить, стоит ли воспользоваться машиной профессора. – Нет, и ваша не годится, ее наверняка сразу поведут в Зареченске.

– Инна, а если воспользоваться Катинной машиной? – неожиданно предложила Наталья Сергеевна.

– Кто такая Катя и что за машина? – поинтересовалась я.

– Катя – младшая сестра Наташи. Она с мужем сейчас в загранке, он консул в Швеции. Квартира и машина – «Москвич-2141» – под нашим присмотром. Доверенность на машину имеется, – пояснил Полежаев.

– У дипломата – и «Москвич»? – удивилась я.

– Она приобрела «москвичонка» в начале девяностых, когда иномарки были в диковинку, а Катя еще не выходила замуж за Станислава, – вступилась за сестру Наталья Сергеевна.

– Так это даже хорошо, что «Москвич»! Не так приметен, нам того и надо! – обрадовалась я. – Штаб согласен?

Штаб закивал тремя головами.

– Пойдем дальше. Автоответчик у вас есть?

– Нет, – честно призналась Наталья Сергеевна.

– Хорошо, я привезу утром свой. Надо будет записывать все звонки, нам могут потребоваться образцы голосов похитителей, не исключено, что они будут звонить сюда и интересоваться местонахождением Иннокентия Михайловича. Да, кстати, у вас часто бывают командировки?

– Случаются, – ответил он крайне неопределенно.

– Тогда для всех звонящих доктор Полежаев в командировке. Договорились?

Штаб согласился и с этим.

– А вам, Наталья Сергеевна, в предстоящие дни надо будет проявлять повышенную бдительность по отношению к Вадиму... – Я не успела закончить фразу, как изумленно взметнулись вверх ее брови. Она сняла очки и растерянно посмотрела на меня близоруким взглядом.

– Я и так не отпускаю его ни на шаг от себя. Я учительница, сын учится в моей школе, но вы правы, береженого бог бережет.

– Иннокентий Михайлович, у вас есть фотографии бывшей жены и Оксаны?

– Безусловно, но Оксане на снимке всего пять лет. После этого мы перестали поддерживать отношения, и других просто нет.

– Плохо, но что поделаешь. Пожалуй, все детали мы обговорили. Выезд завтра в шесть утра, будем собираться. Спецтехнику беру на себя. – Я поднялась, считая разговор оконченным.

– Таня, вы не хотите заглянуть на дорожку... – Наталья Сергеевна сделала многозначительную паузу.

Ее желания совпали с моими. И касалось это не только разговора наедине, без мужа. Он состоялся в громадной ванной комнате, куда меня любезно проводила жена профессора после туалета.

– Танюша, я понимаю ваше щекотливое положение. Четыре дня в дороге и опасной работе. Обратиться к мужчине-детективу Инна не мог, это я поняла после нашего сегодняшнего разговора. Любого мужика они примут за милиционера или чекиста, тогда Оксане конец. Ваше появление рядом с мужем как-то легче обосновывать. Никто из бандитов не поверит, что эта внешне такая хрупкая и нежная девушка – частный детектив. Так что, если вам требуется... – она сделала паузу, подчеркивая тем самым значимость своего шага, – для дела, конечно, сыграть роль любовников, супругов, в конце концов, будьте уверены, я пойму и это никак не отразится на наших отношениях с Инной. Ему, кстати, сейчас я втолкую то же самое. Берегите его...

Чего-чего, а такого от профессорши, честное слово, трудно было ожидать. Я не стала ханжески врать, что не собиралась делать подобных шагов. И, будучи далеко не сентиментальной, просто чмокнула ее в щеку и прошептала:

– Спасибо, Наташа, учту...

Когда мы вышли из ванной, на глазах у обеих блестели слезы. Профессор удивленно посмотрел на нас, но ничего не сказал.

Глава 4

Увлечение делом

В дорогу я собиралась, как всегда, в спешке. Хорошо, что на такие случаи у меня существует «тревожный чемоданчик», где собрано почти все необходимое для десятидневного путешествия: одежда, лекарства, патроны, спецтехника – «жучки», видеокамеры, направленный микрофон, фотоаппарат. Несомненным плюсом является и постоянная боевая готовность моей бежевой «девятки», профилактику которой с завидным постоянством (не то что себе) я делаю ежемесячно на лучшей станции техобслуживания Тарасова. Впрочем, за доллары ее могут облизать везде, но я предпочитаю одного автослесаря, одного парикмахера, одного врача и так далее. Думаю, вы со мной согласитесь. А как поведет себя в дороге чужой «Москвич», тем более долгое время простоявший в гараже без дела?..

Прощание было недолгим. Когда я ровно в 6.00 подъехала к дому профессора, Наташа помахала мне с балкона, приглашая подняться.

– Посидим на дорожку, – объяснила она, – иначе пути не будет.

Мы опять присели в гостиной. Несколько секунд помолчали. Потом поднялись. Вадим прижался к отцу. Не стесняясь меня, Полежаев поцеловал жену. Наталья перекрестила нас обоих.

– Приезжайте скорее. Втроем.

Во дворе, кладя в багажник и на заднее сиденье чемоданчик, кейс и сумку с провизией (интересно, когда это Наталья успела все приготовить в дорогу: создавалось впечатление, что она не спала всю ночь), мы как-то одновременно посмотрели наверх: Наталья с сыном стояли на балконе, прижавшись друг к другу.

Мы заехали домой к неизвестной мне Кате, поменяли машины: в гараж поставили мою «девятку» и пересели на неприметный серый «Москвич», сотни собратьев которого поминутно встречаются на любой дороге.

По Тарасову машину вела я, договорившись с Полежаевым, что станем садиться за руль попеременно, через каждый час-полтора. Тогда скорость движения будет высокой и мы не успеем устать как следует.

Переехали через Волгу. Навигация официально не началась, ибо река еще не везде освободилась ото льда. После Покровска за окнами машины замелькали однообразные пейзажи левобережного Заволжья. Договорились с профессором рассказывать по дороге друг другу о своей жизни: меня интересовали мельчайшие детали, которые могли пролить свет на мотивы двух преступлений.

Из рассказа ученого стало ясно следующее: лет двадцать назад уже женатый Полежаев встретил семнадцатилетнюю красавицу Ирину. Она тогда еще училась в выпускном классе школы, а молодой м. н.с. одной из кафедр политеха был послан в эту самую школу во главе нескольких студентов для проведения бесед по профессиональной ориентации старшеклассников. Профориентация оказалась успешной, во всяком случае, для Ирины: она проявила живейшую заинтересованность к возможности учиться в политехе, запомнила кафедру, за которой числилась лаборатория Полежаева. Побывала там на днях открытых дверей. Летом, правда, провалилась на вступительных экзаменах, получив двойку по математике. Но это Ирину не смутило.

Вместе с родителями она обратилась к Полежаеву с просьбой в течение года заняться с нею репетиторством. Гонорар, который предлагали родители, раза в три превышал тогдашний годовой доход будущего светила науки. Можно понять молодого ученого, с радостью согласившегося помочь вчерашней, не слишком усердной школьнице.

Девочка, однако, усердствовала в другом направлении. Репетиторство, проходившее у нее дома в отсутствие родителей, вскоре неизбежно закончилось практическими занятиями по изучению женской и мужской анатомии в ее постели. Видимо, результаты этих анатомических занятий настолько удовлетворили обоих, что Полежаев развелся с первой женой, благо детей у них еще не было, и узаконил свои отношения с Ириной.

Через год родилась Оксана. Это событие благотворно сказалось на браке. Полежаев, как говорится, пылинки сдувал со своей юной супруги. Жили они счастливо, если бы не одно обстоятельство. Да, да, вы правы, деньги! С милым, говорят, рай и в шалаше. Но шалаш желательно иметь хотя бы двухкомнатный, и лучше – подальше от родителей.

Семейное счастье стало потихоньку давать трещины. Заниматься мужу репетиторством Ирина категорически запрещала, памятуя, очевидно, о своем собственном пути в постель Полежаева. А тут еще кандидатская диссертация, которую должен был заканчивать супруг, поглощала все его рабочее и свободное время. Словом, когда Оксане исполнилось три года, они расстались, а Ирина посчитала более перспективным своего соседа – старшего лейтенанта ВВС, соблазнила его, заставила бросить жену с только что родившимся сыном, сама покинула Полежаева, забрав, естественно, Оксану. С новым мужем, Игорем Кудриным, они укатили в дальний, но привилегированный гарнизон в Группе советских войск в Германии.

Для Полежаева развод стал сильнейшим ударом. Из профессионального, да и чисто женского любопытства я внимательно рассматривала фотографии Ирины двадцатилетней давности, которые по моей просьбе доктор захватил с собой. Ему, смею вас заверить, можно было посочувствовать.

Через год после развода с Ириной Полежаев женился в третий раз. Его последняя супруга Наталья, которая гостеприимно принимала меня, оказалась надежным бастионом, который так необходим для создания крепкой семьи. А рождение Вадима поставило последнюю точку в бурной молодости профессора. Кстати, именно благодаря надежному тылу, семье, где все всегда в порядке, Полежаев и сумел за относительно короткий срок «добавить» к кандидатской еще и докторскую диссертацию, получить профессорское звание.

О жизни бывшей супруги после развода он не знал почти никаких подробностей. Лет шесть назад, когда советские войска были выведены из Германии, майор Кудрин демобилизовался из армии, и Ирина с семьей поселилась в Зареченске. Информацией о занятиях отставника Полежаев, естественно, не располагал. Вот вся, согласитесь, далеко не исчерпывающая информация, которую я получила по дороге в Зареченск.

Удивительно, но Полежаев уверенно вел машину. Я обратила внимание, что он вообще все делал основательно и хорошо. Понаблюдав первые полчаса за его управлением, я расслабилась и, к своему стыду, немножко задремала. Сказалась почти бессонная ночь перед отъездом. Сидела я рядом с водителем, поэтому не нашла во сне никакой более удобной позы, чем склонить свою голову на полежаевское правое плечо. Как он умудрился не разбудить меня, управляя машиной в таком положении, теряюсь в догадках до сих пор.

Проснулась я оттого, что «Москвич» наш вдруг остановился. Стекло левой двери было опущено, рядом стоял инспектор ГИБДД, как теперь благозвучно величают бывших гаишников. Старлей придиричиво изучал протянутые Полежаевым документы. Освободив полежаевское плечо от необходимости держать мою голову и инстинктивно поправив прическу, я уже собралась было вмешаться в процесс проверки, как вдруг заметила изменившееся выражение лица инспектора. Он еще раз посмотрел на документы, потом на Полежаева, явно сверяя оригинал с фотографией, протянул права и еще какую-то корочку профессору:

– Прошу извинить! Можете ехать!

Полежаев усмехнулся и тронул машину с места.

– Док, что за ксиву вы ему показали? – прикрывая ладонью зевающий рот, поинтересовалась я.

– Таня, мне кажется, нам пора заняться практической стилистикой русского языка, – парировал профессор.

– Для начала нам пора заняться завтраком или обедом, словом, пожрать. – Я продолжала поддразнивать ученого, подумав при этом о том, что заняться нам давно пора совершенно другим и гораздо более приятным делом.

С предложением в отношении еды Полежаев, безусловно, согласился, и вскоре, увидев подходящее место за лесополосой, тянувшейся вдоль дороги, он съехал с трассы, припарковав «Москвич» возле небольшого пруда. Я вытащила из багажника старое дорожное одеяло и расстелила его на сухом взгорочке. Из своей необъятной сумки Полежаев извлек жареную курицу, самсу, огурцы, свежий зеленый лук, хлеб, масло, сыр, термос с еще горячим кофе – одним словом, голодная смерть в дороге нам не грозила.

– До Зареченска далеко? – спросила я, аппетитно жуя кусок курицы.

– Чуть больше ста километров. Нас как раз остановили на границе двух областей, Тарасовской и Зареченской, – пояснил Полежаев.

– Сколько ж я проспала?

– Почти три часа.

Я с благодарностью посмотрела на профессора. Он дал мне возможность выспаться, организм мой отдохнул и был готов к предстоящей и, уверена, непростой работе. Вытащив из кармана джинсовой куртки мешочек с магическими костями, я подумала о том, что может ждать нас впереди.

10+20+27.

Черт подери, и кости говорят о том же: «Вас подстерегает опасная пора: ожидают многочисленные трудности и окружают враги».

Профессор с любопытством наблюдал за моим занятием. Но скептицизма не проявил, во всяком случае, вслух. Пояснив полученный неутешительный результат, я стала разрабатывать план дальнейших действий.

На окраине Зареченска мы начали прежде всего с местного кладбища. Сторож показал нам карту (так на кладбищах называются отдельные участки), на которой виднелись свежие холмики мартовских и апрельских могил. Когда мы медленно шли вдоль этой скорбной линии, мне показалось, профессор почему-то надеялся, что могилы Ирины там не окажется. Но нет, она была четвертой от конца. Деревянный крест, табличка с датами жизни. Мы оба замерли. Скромный венок из искусственных цветов еще не успел выгореть на ярком солнце. Живые же, рассыпанные прямо на холмике, уже давно завяли и высохли.

Лицо профессора изменилось на глазах, посерело. Видимо, его мучили воспоминания. Я тронула Полежаева за руку:

– Нам пора, Иннокентий Михайлович...

– Да, да, сейчас.

Когда мы вышли с кладбища, профессор попросил меня сесть за руль. Прежде всего нам необходимо было найти улицу Ташкентскую, где до гибели жила Ирина Полежаева. Впрочем, скоропалительных выводов о ее смерти я не стала бы делать, памятуя, что пару лет назад мою кончину уже зафиксировали в Казахстане, где я уходила от погони ФСБ.

Улицу Ташкентскую мы обнаружили в одном из спальных районов Зареченска, так похожего на «спальники» всех провинциальных российских городов. Бессмертную рязановскую «Иронию судьбы, или С легким паром» смело можно было снимать и здесь, такими безликими и однообразными показались стоящие вдоль дороги девятиэтажки. Увидев табличку с номером нужного дома, мы припарковали неподалеку «Москвич».

Выяснив попутно у профессора, что у Ирины были родственники в Средней Азии, я решила сыграть роль родственницы, «седьмой воды на киселе», приехавшей без предварительной телеграммы в Зареченск и ничего не подозревавшей о смерти троюродной тетушки.

Иннокентий Михайлович одобрил мой план, но внес и весьма существенные коррективы. Из своего «дипломата» он вынул небольшую брошь в виде дракона и маленькую, словно пуговичка, вещицу, назначение которой я поначалу даже не поняла. Брошь он помог закрепить мне на водолазку («Вдруг придется снять куртку», – пояснил профессор), а «пуговичку» посоветовал засунуть в ухо.

– Вот теперь я за вас спокоен. Я буду слышать все, что с вами происходит, и при необходимости смогу дать вам совет через передатчик, – критически осмотрев меня, заявил профессор.

Честное слово, мне была очень приятна такая отеческая забота! Особенно же в тот момент, когда его ловкие пальцы закрепляли брошь-микрофон.

Взяв с собой полежаевский баул с провизией, как самый обширный, и свою неизменную сумочку, я отправилась на охоту. Полежаев должен был ждать меня за рулем машины.

На долгие звонки в квартиру с номером 48 никто не отвечал. Как и задумала, я позвонила соседям. Наудачу в сорок девятой дверь открыла благообразная старушка.

– Тебе чего, милая?

– Бабуль, здравствуйте, соседи ваши из сорок восьмой дома?

Старушка подозрительно посмотрела на меня.

– А ты откель будешь такая?

– Родственница я полежаевская, наши матери, моя и Иринина, двоюродные сестры, – на ходу импровизировала я. – Так что она мне вроде как тетка.

– А живешь-то где?

– В Туркестане, – догадалась ответить так, вспомнив по когда-то знакомому расписанию поезда Москва – Алма-Ата о наличии такого города. Очень удобное название – ошибешься, прокола не будет – так до революции называли всю Среднюю Азию.

– Заходи тогда, отдохнешь с дороги. – Старушка наконец-то впустила меня к себе. – Ты давно с Ириной-то встречалась?

– Давненько, Оксанка тогда еще под стол пешком бегала, – благоразумно не стала я уточнять дату.

– А писала-то когда последний раз?

– Бабуль, какие письма-то сейчас при нашей жизни?

– И то верно, милая. Звать-то тебя как?

– Таней. А вас?

– Бабой Катей все кличут. – Она помолчала. – Выходит, ты ничего и не знаешь...

– Чего не знаю? – изобразила я крайнюю степень удивления.

– Убили твою тетку-то...

Играть пришлось до конца. Я схватилась за краешек стола на кухне, куда привела меня старушка, тяжело задышала, сделала несколько сдавленных глотков. Бабулька налила мне воды. Я выпила, успокоилась, подумав про себя, что этюд на тему «Скорбная весть» я исполнила, кажется, неплохо.

– Как убили, баба Катя, расскажите, пожалуйста...

Соседка рассказала, что накануне гибели в квартире у Полежаевой была очередная гулянка. В этом доме Ирина жила два года после развода с мужем. И все два года устраивала попойки, приводила мужиков. «На глазах у Оксанки?» – ужаснулась я.

Баба Катя объяснила, что подрастающая Оксана была единственным человеком, кого еще хоть как-то слушалась мать. Но Оксана училась, а мать ухитрялась напиваться с утра пораньше, пока дочь в школе. Особенно распоясывалась Ирина в дни, когда Оксану забирала к себе Галина, ее старшая сестра. Вот и в последний раз, зная, что Оксана у тетки, Ирина устроила «пышную гастроль».

Кутили до позднего вечера. Потом, по словам соседки, Ирина разругалась с собутыльниками, выгнала всех, постучала к ней, торжественно объявила, что завязывает: завтра, мол, дочь возвращается, и вообще, хочет за ум взяться, чтоб дочь матерью гордилась, как отцом, отец ведь у Оксанки профессор.

А какой он профессор, рассуждала соседка, такой же небось алкаш, как и мать. Вот Игорь, отчим бывший, тот мужик видный. Хоть и развелся с Ирккой, нет-нет да приходил. Всегда с полной сумкой еды, девчонке обновки справлял. Сразу видно, бизнесмен, «новый русский».

– А дальше-то чего было в тот вечер? – постаралась я направить монолог старушки в нужное мне русло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.